

УДК 340.15

Скреля Константин Юрьевич, магистрант кафедры предпринимательского и экологического права, юридического факультета ФГАОУ ВО «Крымского Федерального университета имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия
e-mail: kostya_skrelya@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ МЫСЛИ – АНАЛИЗ «УЛОЖЕНИЯ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ» ОТ 1845 ГОДА

Аннотация: В статье проведено исследование уникального документа – «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» в редакции 1845 года. Сделан исторический анализ документа и вывод о том, что многие юридические нормы этого Уложения активно используются в действующем уголовном праве Российской Федерации.

Ключевые слова: законодательство, уложение, наказания исправительные, наказания уголовные.

Skrelya Konstantin Yuryevich, undergraduate of department of the enterprise and ecological right, law department FGAOU WAUGH of "Crimean Federal university of V.I. Vernadsky" Simferopol, Russia
e-mail: kostya_skrelya@mail.ru

CODES ABOUT PUNISHMENTS CRIMINAL AND CORRECTIVE OF 1845

Summary: In article the analysis of the Code about punishments criminal and corrective is carried out to editions of 1845. The conclusion is drawn that many legal standards of this document are actively used in the operating criminal law of the Russian Federation

Keywords: legislation, code, punishments corrective, criminal penalties.

Указом императора Николая I 15 августа 1845 года утверждено «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», которое было введено в действие с 1 мая 1846 года.

По содержанию законодательной мысли и существу принятого документа, этот нормативный акт следует считать первым уголовным кодексом Российской империи, актом специального направления и действия. Ранее, законы государства, источники права были объединенными, а содержащиеся в них нормы относились к многим разнообразным отраслям права. Например, Воинский Артикул Петра I был кодексом военно-уголовного права. Кроме того, «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (далее Уложение) 1845 года – первый кодифицированный источник российского уголовного права.

Как в исследованиях ученых России, так и среди зарубежных авторов, анализ Уложения рассматривался в различных аспектах. Интерес представляют теоретические исследования и научные работы Карповой А.В., Долгополова К.А. Валеевой Л.Р. и многих других.

Необходимость кодификации законодательства об уголовных наказаниях была отмечена при работе над разработкой Свода законов Российской Империи 1832 года. В то же время, неоднократно возникал вопрос о необходимости создании нового уложения об уголовных наказаниях.

Указом императора Александром I (который начал работу над Сводом законов) организована специальная комиссия, под руководством Сперанского М.М. с целью разработки нового уложения [2].

Целью работы является изучение и анализ уникального документа и источника - «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года для оценки и понимания влияния на принятие, формирование и становление действующего уголовного права Российской Федерации.

В XIX века, после победы в Отечественной войне с Наполеоном и Зарубежных походов русской армии в России проведен целый ряд реформ,

приведших к ускоренному развитию капиталистических отношений в стране. В основу разработки нового Уложения были положены западноевропейские уголовные кодексы, адаптированные под требования российской действительности. Изначально работа над созданием Уложения проводилась органами Министерства юстиции, как основным органом правоприменения. Позже, правотворческие полномочия были переданы во Второе отделение Императорской канцелярии. По мнению составителей нового акта, он должен был вместить нормы всего уголовного законодательства России того времени. Членами комиссии тщательно изучались нормы ранее действующего законодательства, судебная и административная практики. Основа работы заключалась в сборе, приведения в порядок и сличения с источниками различных законов о наказаниях, собранию с уголовных судов замечаний и предложений о правках в уголовные законы, обобщения материалов отчетов Министерства юстиции за несколько лет, составляющий табель преступлений.

Второе отделение канцелярии Его Величества под руководством Д.М. Блудова приступило к разработке Уложения только в начале 40-х годов. Высочайшая воля Николая I, обязывала авторов законопроекта «не созидать нового уложения по началам науки, а только привести в надлежащее между собой соглашение разнородные части посредством исправления отдельных, но на одинаковых началах и, так сказать в одном духе», что означало, что создание нового уложения об уголовных наказаниях должно было стать формальным процессом. По мнению Николая I, все необходимые теоретические работы уже были произведены ранее, а работа канцелярии не должна была сводиться к науке. «Основные начала» уголовного законодательства были заложены еще в Соборном Уложении 1649 года, в то же время, уже требовалось проводить некоторые редакционные правки прошлых положений, с целью «устранить неточность и неопределенность используемых выражений», а также внести некоторые дополнения, требуемые нуждами времени и накопленным практическим опытом. Проводилась серьезная законодательная работа, ведь предстояло впервые создать кодекс уголовных наказаний [2].

Во время царствования Императора Николая I была проделана большая работа по систематизации актов российского законодательства, с целью приведения их в соответствие нуждам общества регулятивных норм.

М.М. Сперанский возглавил процесс работы над новой кодификацией уголовного права, однако окончательная редакция нового уголовного кодекса была утверждена уже после его смерти. Проявлением высшей формы кодификации Сперанский считал составление общего массива актов, на основании существующего Свода законов. В записках Николаю I от 1826 года, высказывалась надежда, что работу над уложениями можно закончить к началу 1827 года, что не вызывало со стороны императора одобрение и вызывало скорее негативную реакцию, так как теоретическая разработка представлялась для него «чем-то отвлеченным, слишком теоретическим» [3].

В области уголовного права проведенные реформы пошли дальше, были более прогрессивными в сравнении с другими отраслями права. Окончательный вид Уложение приобрело в 1844 году, проект передавался на утверждение (внесение правок, редакций) в Государственный совет, решение о принятии принималось Указом императора от 15 августа 1845 года.

Новый кодифицированный акт получил название «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», который считают первым уголовным кодексом России. В окончательном виде, Уложение содержало 2224 статьи, 12 разделов, состоящих из глав, которые в свою очередь содержали отделения и отделы.

Общая часть уголовного кодекса – составляющая первого раздела Уложения. Первостепенное значение заключалось в определении понятий, используемых в практике уголовного наказания. Так, первый раздел Уложения закрепил понятие наказуемого деяния – проступка и преступления [4]. Важнейшим определяющим элементом закон называл признак противоправности, этот принцип нашел свое отражение во всех статьях кодекса, определяющих, что наказание за преступление и проступки может следовать на основании указания закона. Следует отметить, что в отличие от

ранее действующих Сводов законов, содержащих нормы всех отраслей права, понятие преступления характеризовалось юридической четкостью.

Свод законов, разработанный М.М. Сперанским, имел существенные недостатки: статьи, которые касались уголовной ответственности, были рассредоточены по всем его пятнадцати томам. Кроме того, устанавливались только виды наказания, без их конкретизации. Так, например, привлечение виновного лица к каторжным работам не имело определенного срока, описания дополнительных видов наказания (удары плетью и т.д.). Суды обладали широкими полномочиями, возможностями принятия самостоятельных, усмотренческих решений при определении меры наказания, что неизбежно приводило к различного рода злоупотреблениям. Выработка новой системы уголовного законодательства насущно диктовалась необходимостями жизни и общества. Сроки неизменности действующих нормативных актов насчитывали столетия, в то время, когда «из всех возможных сфер права, уголовное наиболее изменчиво: понятия о преступлении и наказании наглядно отражают все социальные и политические процессы, и чем быстрее развивается жизнь (перевороты, реформы), тем скорее требуется совершение изменений» [3].

Таким образом, история формирования и работы над законодательными положениями Уложения, свидетельствует о том, что интересы политической власти в лице императора и законодательных органов государственной власти совпадали лишь в части. Учитывая характер политического режима, все государственно важные решения принимались по ведомо и воле главы, который был заинтересован в сохранении общего вида положений о наказаниях. В свою очередь, комиссии, работающие над законами, стремились достичь развития научной и доктринальной основы принимаемых положений. В итоге, были частично удовлетворены и интересы элитарного слоя общества и интересы научного общества России того времени.

Общие основания привлечения к уголовной ответственности – обстоятельства, которые в случае своей доказанности станут основой для

принятия судом решения о привлечении к уголовной ответственности, применения мер принуждения к виновному лицу.

В редакции Уложения 1845 года безусловным основанием к привлечению лица к ответственности была несомненная доказанность преступного деяния и наличие элемента виновности (статья 97) [4].

Доказанность – интеллектуальная деятельность органов, проводивших следствие, прокурора и обвинителя. Такие действия могли быть ошибочны, ненадежны, приводить к незаконно принятым решениям суда. Только при безусловной доказанности (например, пойман на месте совершения преступления), допускалось применение категории доказанности.

Вина – внутреннее отношение субъекта преступления к совершенным действиям, бездействию.

Ранее законодательству России уже были известны такие формы вины как умысел и неосторожность [5]. Уложением 1845 года преступления и проступки делились на совершенные умышленно и неумышленно (статья 5).

В свою очередь умысел имел две степени:

- когда нарушающее нормы закона деяние учинено вследствие не внезапного, а заранее обдуманного намерения или умысла;
- когда учиненное хотя и было с намерением, но спровоцировано внезапным побуждением без предумышления [4].

Российскому законодательству был известен так называемый «голый» умысел, наказываемый только в случаях, прямо указанных в законе (тяжкие преступления против государства). Такой вид умысла был определен следующим образом: «Изявление на словах или письменно, или же иным каким-либо действием намерение учинить преступление, почитается признаком умысла. К числу таких признаков принадлежат угрозы, похвальбы и предложения сделать какое-либо зло».

Ответственность различалась в зависимости от оценки степени умысла. Первая наказывалась строже: «За преступление, учиненное вследствие заранее обдуманного преступником намерения – высшая мера наказаний...».

Привлечение к ответственности, а точнее ее мера за «внезапно совершенное» деяние разрешалась индивидуально в каждом случае [1].

Как форма вины, неосторожность не содержалась в Уложении 1845 года, ее понятие не было отражено. Однако, как основание ответственности за неумышленные деяния, были, хоть и расплывчато сформулированы в главе «Об определении наказаний по преступлениям». Наказание по «неосторожной вине» назначалось более мягкое, по сравнению с виной умышленной. Кроме того, особого упоминания требует факт, что неосторожность подлежала наказанию только в прямо предусмотренных законом случаях [6]. Для того, чтобы привлечь лицо за проступок или преступление по неосторожности, требовалось дополнительное указание на данное основание в отдельной статье Уложения.

Прогрессивным для кодекса того времени было четкое обозначение понятия «случай» как обстоятельства, которое не могло стать основанием для привлечения к уголовной ответственности. «Зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оно неосторожности, не считается виною» [4].

Все указанное, позволяет подвести итог и сделать вывод о том, что в Уложении 1845 года закрепились такие прогрессивные нормы (с точки зрения оценки вины), которые по своему существу имеют отражение и могут быть заимствованы и применимы сегодня.

Как основание привлечение к уголовной ответственности стало определение нижнего возрастного порога. Лица, которые не достигали установленного в законе возраста, к уголовной ответственности за проступок или преступление привлечены быть не могли.

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» от 15 августа 1845 г. конкретно определялись признаки субъекта преступления через категорию возраста. В соответствии со статьей 100 не подлежали наказанию, как за преступления, так и за проступки лица, не достигшие возраста 7 лет, не имеющие достаточного понятия о своих деяниях. В таком случае,

несовершеннолетние подлежали передаче для воспитания и исправления родителям, родственникам или опекунам. Не являлись субъектом преступления дети в возрасте от 7 до 10 лет, которые отдавались родителям и благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра, исправления и перевоспитания.

Уложение не только содержало все указанные условия, но и устанавливало и специальный механизм реализации ответственности для каждой возрастной группы [16].

Юношеский возраст в Уложении делился на три периода: до 7 лет, от 7 до 14 лет и от 14 до 21 года. Субъектом преступления считалось физическое лицо, достигшее 10-летнего возраста. Для лиц в возрасте от 10 до 14 лет, имело место смягчение наказания за совершенное деяние. К несовершеннолетним в возрасте от 14 до 21 года применялось то же наказание, что и ко взрослым правонарушителям, однако с некими смягчениями [7, с.23].

С точки зрения определения субъективной стороны деяний, законодатель Уложением наиболее четко и последовательно регламентировал данный вопрос. Так, деяния могло быть совершено неосторожно и умышлено, а также нанесение «зла случайного» [8, с.124].

Укажем, что основания для привлечения лиц к уголовному наказанию, отличались прогрессивными особенностями для законодательства того времени. Отмечается особая доктринальная работа, оценка ценности и особенностей уголовных нарушений, в зависимости от исторических преобразований. Особенностью является привлечение к уголовной ответственности лиц, которые достигли 10-летнего возраста, с точки зрения осознания совершенных действий.

Уложение вело учет и классификацию преступлений, проступков и соответствующий им наказаний по отдельным категориям и направлениям. Разделы кодекса содержали описание деяний, свершенных против интересов государства, православной веры, нарушение порядка управления, против службы, постановлений о повинностях, государственного имущества и дохода в

казну, благоустройства общественного порядка и благочиния, строя сословия, прав частной собственности, посягательство на жизнь и здоровье.

Первые статьи Уложения 1845 года дают понятие преступления: «Преступлением или проступком признается как само противозаконное деяние, так и неисполнение того, что было предписано законом под страхом наказания уголовного или исправительного». Несмотря на краткость определения законодателя, в нём впервые обобщалась сущность незаконного деяния и его наиболее существенные признаки [9, с.256].

Данное определение позволяет выделить как основные характеристики преступного деяния:

- основным признаком преступления считалось его соответствие признаку противоправности (формальное определение преступления). Оценка противоправности производилась на основании действующих нормативных актов, предписаний государственных органов;
- преступные деяния разделялись на преступления и проступки. К преступлениям относились действия особой тяжести, повлекшие последствия, или направлены на особо важные сферы общественной жизни. Проступки характеризовались меньшим уровнем общественной опасности;
- преступлением могло быть признано как действие, так и бездействие (впервые указано в Уложении 1845 года) [10].

Преступления и проступки разграничивались на основании различия объекта посягательств, хоть и не четко. Один из таких критериев разграничения был предусмотрен впервые – от тяжести наказания. Названный критерий позволяет утверждать, что определение преступного деяния не может быть обозначено как формальное.

Классификация преступлений производилась по их содержанию, в совокупной оценке всех элементов:

- к религиозным преступлениям относились: богохульство, привержение (сворачивание) православного лица в другую веру;

- государственные преступления (особо тяжкая категория): бунт, государственная измена, покушение на императора;
- против порядка управления: неповиновение начальству;
- должностные преступления: взяточничество, опоздание на работу;
- преступления против личности: убийство, нанесение тяжкого вреда;
- преступления против имущества: кража, грабеж, разбой.

Данная классификация позволила выделить объекты уголовно-правовой защиты, охраняемые Уложением 1845 года. Так, привлечение виновных лиц к уголовному наказанию было возможно, если вред был нанесен человеку, его жизни и здоровью, законодательно признанным правам и свободам, правам на частную собственность, общественный порядок и общественную безопасность, основы государственного строя и управления [11, с. 97].

Достаточно точно были определены стадии совершения преступления, что позволяло оценить степень участия виновных лиц в деяниях. Выделялись 4 стадии совершения преступления: обнаружение умысла, приготовление к преступлению, покушение и оконченное преступление [4].

Обнаружение умысла. Уложение 1845 года стало последним российским кодексом, который установил ответственность за обнаружение умысла на совершение преступления. Так, под умыслом считали применение или подготовку средств, для совершения преступления.

Приготовление к преступлению. Если характер приготовительных действий не был противозаконным, наказание за приготовление следовало только в установленных законом случаях. «Покушением на преступление считается всякое действие, которым было начато или продолжено злое намерения во исполнение незаконных действий» (ст. 11) [4].

Покушение также было описано в Уложении, и даже подразделялось на отдельные виды. К оценке меры ответственности за покушение подходили «по большей или меньшей близости сего покушения к совершению преступления, одною или двумя степенями ниже против наказания, постановленного за самое совершение преступления». При этом, определение «степеней ниже» не

приводилось, разрешалось индивидуально. Покушение, остановленное лицом самостоятельно, по собственной воле не наказывалось. Если покушение остановлено не по воле совершавшего деяние лица, то к наказанию такой субъект привлекался, с понижением его степени [12].

Уложением устанавливались формы участия лиц в преступлении: без предварительного соглашения (или спонтанное принятие решения об участии), по предварительному соглашению (заговор) и шайка (организованная, с распределением ролей между участниками) [9].

В первом случае различались главные виновные (организаторы и задумщики) и участники, во втором – зачинщики, их сообщники, и подговорщики – привлекающие к преступлению иных, подстрекатели, пособники. Причастными к совершению преступных действий признавались попустители, укрыватели и недоносители. Каждая категория участников обладала определенной особой мерой ответственности, с отдельными степенями наказания, положенное за содеянное.

В Уложении 1845 года очень четко для того времени был сформулирован институт добровольного отказа от совершения преступления (правда, без сформулированного термина), причем по существу он вполне совпадал с аналогичным институтом, содержащемся в уголовном кодексе России (ст. 16): «Когда учинивший приготовление к преступлению или уже и покусившийся на оное остановился при том и по собственной воле не совершал преднамеренного, то он подвергается наказанию лишь в том случае, если содеянное им при сем приготовлении и покушении есть само по себе преступление» (ст. 119) [4]. Изложенное достаточно очевидно свидетельствует о том, что основные понятия института неоконченного преступления в Уложении 1845 года были разработаны на весьма высоком уровне.

Уложение от 1845 года принималось в последующем в трех редакциях (1857, 1866, 1885 года), которые существенно модифицировали некоторые основополагающие уголовно-правовые институты. В целом, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных стало почвой для дальнейшей

разработки Уголовного Уложения России 1903 года (не вступило в силу в полном объеме), которое в дальнейшем было признано вершиной русской дореволюционной уголовно-правовой мысли.

Наказания по Уложению 1845 года обладали чрезвычайно сложной и громоздкой системой. По оценке современников, структура представляла собой «лестницу наказаний», в которой все существующие наказания имели свои рода, виды и степени, подразделены в зависимости от их тяжести, расположены в порядке ступеней [13].

Различалось 12 родов наказаний, подразделенных на 38 степеней, в порядке убывающей прогрессии – от смертной казни до внушения. Отдельной категорией шли наказания для лиц, изъятых от тяжелых наказаний, и для лиц, не изъятых от этих наказаний [4].

Меры ответственности классифицировались:

- общие (назначались за любые преступления);
- особенные (за преступления и проступки по службе);
- исключительные (за четко указанные в законе).

Общие наказания, в свою очередь, делились на: главные, дополнительные и заменяющие.

Главные – уголовные или исправительные. На этот счет Таганцев Н.С. писал: «Ожидания составителей Уложения не оправдались. Лестница, созданная ими, оказалась тяжела и непригодна. Жизнь почти вслед за введением Уложения так расшатала ее, выстроила из нее так много ступеней, что в ее позднейшей обрисовке ...она сохранила мало сходства с первоначальной» [14]. Тем самым, на практике подтверждалось, что существование такой разветвленной системы не шло на пользу системе привлечения виновных лиц к ответственности. В то время, когда не была ясна категория преступных действий, объект посягательства и мотивы совершенного, существовали еще и трудности в определении справедливой и адекватной уголовно-правовой меры.

Наиболее строгими, а иногда и «жестокими» были наказания уголовные. Так, самая мягкая мера – лишение права состояния и ссылка на поселение в Сибирь или Закавказье. Лишение прав состояния для виновного означало его гражданскую смерть: прекращались права собственности, супружеские и родительские права. Примечательно, что уголовный закон такими мерами посягал на неимущественные, провозглашенные в современном мире неотъемлемые, права лиц.

Такие наказания назначались лицам, совершившим деяния против государства, религии, порядка государственного управления. Особо суровыми были наказания за государственные преступления: злоумышление против «священной особы государя императора», государственная измена, бунт против верховной власти (ст. 263-282). Основными мерами наказания за эти преступления были смертная казнь или каторга [4].

В России был известен и другой вид наказаний – исправительные, отличающиеся относительно мягкими мерами: замечание, внушение, выговор, розги, арест, заключение в крепость, тюрьму, ссылка в Сибирь.

К мерам, карательного характера относили телесные наказания, клеймение, ссылку на каторгу, ссылку на жилье в отдаленные части государства. Примечательно, что наиболее мягкой мерой было заключение в смиренный дом [15].

Господствующими верхами Уложение считалось одним из наиболее «удачных» уголовных кодексов России. Это Уложение несло феодально-крепостнический смысл и надолго пережило сам крепостной строй. Вся деятельность по кодификации положений уголовного закона фактически была завершена с его принятием.

При написании работы сделан вывод, что с позиций современного состояния уголовного закона, можно проследить, что юридический инструментарий, нормы, институты и подинституты общей части Уголовного кодекса разработаны на весьма высоком уровне, с учетом положений Уложения 1845 года. Отметим, что некоторые положения, по своей специфике являются

более либеральными и прогрессивными чем в действующем уголовном законодательстве, другие – отличаются нарушением личных, конституционных границ (личные права: на семью, брак). Такое разночтение усматривается в соответствии закона потребностям текущего времени и исторического состояния, событий.

С XIX века наметилась тенденция стремительного развития уголовного права, сферы применения наказаний, которые не были связаны с лишением или ограничением свободы лица. Уложение существенно ограничило применение позорящих наказаний, однако, говорить о его либеральности на том этапе представляется еще невозможным. Тем не менее, свой толчок получила гуманизация отношения к личности обвиняемых лиц, уважение к человеческому достоинству.

Более того, до принятия Уложения история российского права не знала таких понятий как «уголовно-правовой проступок», «неосторожность», «необходимая оборона», что непосредственно повлияло на механизм и порядок назначения уголовного наказания.

Обобщая все вышесказанное, отметим, что именно нормы «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года оказали первостепенное и значительное влияние на принятие, формирование и становление действующего уголовного права Российской Федерации.

Список источников:

1. Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков. / Под ред. О.И. Чистякова//. – М.: Юрид. лит-ра. – 1988.
2. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII – XIX вв.)/ В.Н. Латкин //.. – М.: Зеркало. – 2010.
3. Кассихина В.Е. М. М. Сперанский, его роль в развитии и становлении российского государства и права/ В.Е. Кассихина //Государство и право в XXI веке. – 2017.

4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г./Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13654>
5. Фумм А.М. Назначение и исполнение уголовных наказаний в дореволюционной России: монография/ А.М. Фумм // М., 2011.
6. Валеева Л.Р. Развитие системы специальных правил назначения наказания в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и многих других ответственности/ Л.Р. Валеева // Журнал российского права. – 2014. – № 6 (210).
7. Грачева Е.И., Чучаев А.И. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: предыстория, концептуальные основы, общая характеристика/ Е.И. Грачева, А.И. Чучаев // Материалы международной научно-практической конференции. – 2016.
8. Титов Ю.П. История государства и права России. Хрестоматия. 2е изд. перераб. и доп./ Ю.П. Титов //. – М: «Юристъ». – 2003. – с.124.
9. Карпов А.В. Преступление: правовое, отечественное понимание понятия/ А.В. Карпов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. – Сер.: Юрид. науки. – 2014. – № 4.
10. Грачева Е.И., Чучаев А.И. Преступление в советском уголовном уложении и доктрине уголовного права/ Е.И. Грачева, А.И. Чучаев // Государство и право. Юридические науки. – 2014.
11. Исаев И.А. История государства и права России. Учебник. 3е изд. перераб. и доп./ И.А. Исаев // М: Изд-во «Юристъ». – 2008.
12. Дудырев Ф.Ф. Формирование института дифференциации ответственности в уголовном законодательстве России в XIX начале XX вв./ Ф.Ф. Дудырев //Вестник Самарской гуманитарной академии. – Серия: Право. – 2011.
13. Шестопалов А.П., Фумм А.М. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в системе источников уголовного права Российской

империи/ А.П. Шестопапов, А.М. Фумм // История государства и права. – 2015. – № 18.

14. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Том 1/ Н.С.Таганцев // М.: Наука. – 1994. - 380 с.

15. Илюхин А.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. как пролог судебной реформы 1864 г. в России/ А.В. Илюхин // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2015. –№ 3 (2).

16. Федорова А.Н. Понятие и субъекты правонарушений по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных/ А.Н. Федорова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2.